

Бауаев Казим Каллетович

ДАТИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Статья освещает проблему корректной хронологической идентификации эпических сказаний. Автор констатирует отсутствие адекватного научно-методологического и конкретно-аналитического инструментария для системного установления времени происхождения эпических сказаний, предлагая при этом свое решение данной проблемы.

Аргументация базируется на вполне достоверном и убедительном разборе архетипов эпических сказаний карачаево-балкарской версии общекавказского свода "Нарты".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 9 (51): в 2-х ч. Ч. II. С. 27-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**THE TRANSFER OF IMPLICITNESS IN THE TRANSLATION OF OPENING AND CONCLUDING SENTENCES
(BY THE MATERIAL OF BUSINESS LETTERS IN THE GERMAN AND UKRAINIAN LANGUAGES)****Baklan Irina Nikolaevna***National Aviation University, Kyiv, Ukraine
iralex87@bigmir.net*

In the article the notion of implicitness and its categorical apparatus is characterized, the peculiarities of the functioning of implicit information according to the purpose of communication and taking into account the factor of the addressee are considered. The author also analyzes the main strategies and ways of transfer of implicitness in the translation of opening and concluding sentences during the comparative analysis of the texts of business letters in the German and Ukrainian languages.

Key words and phrases: implicitness; implicature; implication; explication; elimination; translation transformation; indirect speech acts.

УДК 82.09(470.6)

Филологические науки

Статья освещает проблему корректной хронологической идентификации эпических сказаний. Автор констатирует отсутствие адекватного научно-методологического и конкретно-аналитического инструментария для системного установления времени происхождения эпических сказаний, предлагая при этом свое решение данной проблемы. Аргументация базируется на вполне достоверном и убедительном разборе архетипов эпических сказаний карачаево-балкарской версии общекавказского свода «Нарты».

Ключевые слова и фразы: стадийный подход; интерпретация; социум; литературная система; эпос; архетип; мотив; конфликт; императив; имплантация; концепт; архаичный мотив; хронологический сюжет; традиция.

Бауаев Казим Каллетович, к. филол. н., доцент*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
kazim_bauaev@mail.ru***ДАТИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ ЭПИЧЕСКОГО ТЕКСТА[©]**

Рассмотрение возможностей эволюционных изменений поэтических практик долгое время сосредотачивалось в координатах историко-стадийного подхода, заложенного еще в античные времена и основывавшегося на общесистематизационных, статичных по своей природе взглядах Аристотеля и идеях Платона и его последователей. Концептуально значимые интерпретации формы и содержания, явления и сущности в конечном итоге были ограничены идеей стационарного Универсума и, в наиболее цельном и непротиворечивом изложении, были выстроены в трудах Плотина, трактовавшего творческий акт как постижение «смысловой сущности» – некоего стабильного и априори бытующего явления [11, с. 225].

В той или иной модификации эти воззрения были продублированы у средневековых схоластов – Августин Блаженный говорил о восприятии «соответствий», также имеющих стационарную природу в силу божественной сопричастности [1, с. 150-152], а Фома Аквинский, понимавший творчество как постижение «форм вещей», существующих вне материального мира, осуществил фактический возврат к учению Платона об идеях [15, с. 169-175].

Вопрос об эволюции литературных форм и, естественно, о прогрессе поэтического сознания в его архетипической реализации на протяжении нескольких веков развития европейской гуманитарной мысли попросту не поднимался [12, с. 6].

Лишь в новейшее время было сформулировано первичное положение о развитии эстетического сознания, собственно говоря, – не столько о развитии, сколько о разных его формах. Так, Гегель не предполагает прогрессивных движений в рамках единого культурного ареала, и выделение тех или иных индивидуумов для него – явление стохастическое, зависящее от субъективных качеств личности, а, в принципе, напрямую восходящее к демиургическому истолкованию творческого акта. Происходит это, прежде всего, потому, что он соотносит сферу искусств с определенными типами общества, причём в основе этой систематизации лежат не социальные или, тем более, материально-производственные критерии, а степень приближенности к высшему началу – в его трактовке к идеальному духу. Поэтому градация эстетического качества, согласно Гегелю, никак не увязана даже с реальной последовательностью исторических эпох [3, с. 528].

Западная гуманитарная мысль надолго оказалась запертой в рамках общественно-исторического подхода, апофеозом которого стала догматика марксизма-ленинизма. Однако именно в первые годы существования первого социалистического государства и в его границах возникли революционные идеи, предлагавшие схемы анализа литературных произведений вне их жесткой связи с социумом [7, с. 75].

Новые взгляды на анализ и оценку, на актуальное состояние и перспективы литературных систем были сформулированы сразу несколькими деятелями формальной школы, но в наиболее полном виде мы встречаем

их в работах В. Жирмунского. Он чётко дифференцировал подходы к литературе как к общественному явлению и как к автономному феномену эстетического сознания [5, с. 22].

Предполагая изолированное – в границах эстетических представлений – функционирование литературных архетипов, члены формальной школы достаточно осторожно относились к возможностям разработанных ими методов анализа в пространстве фольклора, что, впрочем, не помешало им вплотную подойти к идее внутренне обусловленного развития структур текстов устного народного творчества [6, с. 8].

Заслуга формалистов может оцениваться, прежде всего, в выстраивании общетеоретического и методологического посыла, закономерным итогом которого стало понимание принципиальной возможности существования и функционирования внутренних ресурсов развития как авторской литературы, так и фольклора. Эта точка зрения окончательно выкристаллизовалась уже в первые послевоенные десятилетия [2, с. 107-109].

Однако, если для авторской литературы, для фольклора народов с давней письменной традицией существовала проблема ранжировки произведений по их эстетической значимости в соответствии с прозрачными эволюционными дефинициями, то для фольклора упомянутых «новописьменных» народов актуальными оставались вопросы эволюционной идентификации и датировки текстов, зачастую представлявших собой конгломерат структур и архетипов разновременного происхождения.

Помимо всего прочего, можно привести примеры полного искажения смысла текста по причине элементарного незнания тех или иных слов [13, с. 167]. Но главная теоретическая проблема классификации произведений «Нартиады» существует объективно, неточности перевода не исчерпывают той этиологической и генерационной мозаичности сказаний, которая наблюдается практически в каждом из них.

Единственным – пусть вероятностным, но достаточно надёжным – методом определения архаичности-новизны эпического сказания видится его поэтапный комплексный анализ, учитывающий сразу несколько параметров. И первым шагом на этом пути должна стать оценка центрального конфликта текста. Понимая эпический свод как фиксацию моделей этнического адаптивно-рекреативного поведения, мы приходим к выводу, что в основе сюжета каждого произведения должна лежать история смены одних стандартов другими, конфликт неких норм, представляющих собой художественный слепок жизненных навыков, практиковавшихся народом или его предками на разных этапах истории.

Принятие оппозиционального императива в роли этиологического основания сказания позволяет нам с высокой степенью достоверности вычленив идентификационные мотивы и архетипы в большей, точнее, основной части карачаево-балкарской версии эпоса. Например, цикл сказаний, посвященных борьбе Ёрезмека и Фука. Допуская замещение имен героев в процессе оборота сказаний, техногенные имплантации и другие позднейшие наращивания, мы все же должны будем признать, что базовый мотив всего цикла – освобождение нартского общества от гнёта Фука, который, в свою очередь, нартом не является, и происходящая в процессе этого освобождения консолидация народа.

Во-первых, Фук в некоторых вариантах не ощущается как человек. Помимо его зооморфных черт, проявляющихся в ходе развития сюжета, в одном из текстов имеется прямая ремарка по этому поводу: «Во времена нартов жило странное нечто, и звали его Рыжий Фук» [9, с. 76].

Указания на иноэтничность Фука, на его отдаленность от нартов выступают как устойчивая и стабильная характеристика [4, с. 82]. Во-вторых, сами нарты в сказаниях этого цикла не ощущаются единым целым. Несколько косвенных признаков свидетельствуют об их разобщенности. В ряде сказаний бою главных героев предшествует недовольство части общества действиями Ёрюзмека, что зафиксировано в самых ранних записанных текстах, опубликованных Н. П. Тульчинским и С.-А. Урусбиевым еще до революции [14, с. 323].

Продолжением истории уничтожения Фука считается сюжет с попыткой убийства самого Ёрезмека. Нет никакого сомнения в том, что данное сказание явилось результатом наложения двух типологически различных мотивов. Первый – остаточная память о такой норме, как избавление популяции от ослабевших и старых её членов. Геронтоцид как норма обычных жизненных практик бытовал у многих народов вплоть до начала XX века, и с этой точки зрения сведения о нем не могут признаваться свидетельством древности мотива. Но эта норма имеет адаптивную целесообразность лишь до того момента, когда селективно-биологическая эволюция вида сохраняет доминантный характер. С переходом рекреативных практик в социальную плоскость, с возникновением многочисленных внутривидовых горизонтальных и вертикальных связей главенство в оптимизации функционирования общества переходит к коммуникативным механизмам, а здесь основную роль начинает играть даже не опыт отдельных особей, а, скорее, само наличие этих связей, осуществление которых происходит через старших представителей племени и рода.

Для Северного Кавказа, народы которого вошли в стадию высокоорганизованных государственных и предгосударственных образований, как минимум, еще в первых веках нашей эры, мотив убийства стариков, вне всякого сомнения, видится крайне архаичным. Между тем, заговор против Ёрюзмека-Озырмеса-Урызмага имеет именно это первичное обоснование – по крайней мере, желание нартов убить героя объясняется старостью их предводителя.

Вторым мотивом, образующим сказание о заговоре против Ёрезмека, служит концепт кровной мести – Жанпараз, сын Фука, предстаёт центральным действующим лицом интриги. В различных модификациях сюжета присутствует целый комплекс вставочных элементов, вплоть до трубки, посредством которой Сатанай предотвращает отравление своего супруга, но сути конфликта они не меняют – обозначено противостояние патронимий, которое могло иметь описанный вид лишь при сохранении норм потестарной организации общества. Жанпараз вынужден общаться с убийцей своего отца и оформлять свою попытку мести в координатах воинского этикета, и ценности режима социализации по принципу родства не могут перевесить жесткие модели поведения в группе, построенной на примате силы и её признания коллективом.

Сочетание двух этих древнейших мотивов, на базе которых и разворачивается сюжет текстов «Ёрезмек-Фука», сочетание, заметим, вполне органичное, отмеченное взаимной причинностью, позволяет утверждать, что, несмотря на все позднейшие вставки, сказания цикла имеют цельный и хронологически непротиворечивый конфликтный императив. Следующий этап хронологической атрибуции предания – оценка архаичности действующих персонажей. Центральные герои сказания – Ёрюзбек, Сатанай и Фука. Статус их абсолютно определен, все они могут быть отнесены к старейшим образам карачаево-балкарской «Нартиады» как лица, гарантирующие системность и цельность всего эпического корпуса – даже без учета таких их черт, как солярное происхождение, соотносимость с цивилизационным переходом от матриархата к патриархату и зооморфность соответственно.

Еще один признак времени формирования сюжета – наличие реликтовых артефактов. В некоторых вариантах сказания упоминается, что оружие для битвы с Фуком для Ёрезмека изготавливается специально. Это оружие, полученное из рук первого культурного героя – Дебета – не может дать нам никакого хронологического ориентира, но сам мотив создания оружия для решающего сражения широко известен, локализован даже не столько в эпической, сколько в мифологической традиции. Каноническим примером подобного события может считаться создание доспехов Ахилла перед битвой с Гектором.

Расположение чертогов героя вне и над миром людей – подобно замку Фука, сделанному из орлиных перьев, либо из стекла – также признак глубокой архаики. Это общекультурная деталь практически всех индоевропейских и азиатских народов – Асгард скандинавов, кельтский Тирнаногт, а первым примером подобной локализации можно считать «божественные» мифологические здания, известные еще из преданий Аккада [16, с. 34].

Эпическим объектом, могущим уточнить реальные временные маркеры формирования текстов цикла, можно считать меч-«сырпын» главного героя. Помимо того, что он скован самим Дебетом, точнее – благодаря этому – клинок может рубить цепи, на которых висит котел, металлический вертел и сам котел. В данном случае перед нами находится объект, эпические характеристики которого позволяют провести параллель между фольклорным временем и реальной историей народа. Меч – кованый, следовательно, он не бронзовый – как «оловянные» бронзы античности, так и «мышьяковые» бронзы Кавказа с большим трудом поддавались механической обработке и представляли из себя «литьевые» металлы. Лезвие его зазубрено ударом о «зуб» Фука. Вывод: клинок изготовлен из железа, а его испытательные вышеупомянутые «пробники» – из меди, так как бронза, широко распространенная на Северном Кавказе с середины III-го тысячелетия до новой эры [8, с. 32-54], материалом котла и вертела быть не могла – железо, выщербившееся о кости, бронзу рубить не могло. В любом случае, цикл «Ёрюзбек-Фука» относится к древним пластам эпоса «Нарты» и, за исключением нескольких поздних вставок «техногенного» характера, отмечен хронологической общностью трёх атрибутивных параметров – архаичными конфликтными императивами, типами действующих героев и используемыми в сказаниях реликтовыми артефактами. Именно подобное единообразие может служить достоверным критерием сравнительной архаичности-новизны текста в рамках эпической системы, а в отдельных случаях – его исторической датировки.

Список литературы

1. **Августин Блаженный.** Творения: в 4-х т. Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 2. 742 с.
2. **Благой Д. Д.** Закономерности становления новой русской литературы // Исследования по славянскому литературоведению и стилистике: доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 106-179.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Эстетика: в 4-х т. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 621 с.
4. **Ёрюзбек убивает Рыжего Фука** // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / ред. А. А. Янгаева. М.: Наука. Восточная литература, 1994. С. 81-83.
5. **Жирмунский В. М.** Задачи поэтики // Жирмунский В. М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916-1926. Л.: Academia, 1928. С. 22-23.
6. **Казанский Б. В.** Идея исторической поэтики // Поэтика. Временник отдела словесных искусств ГИИИ. Л.: Academia, 1926. Вып. I. С. 6-23.
7. **Машинский С. И.** Пути и перепутья (Из истории советского литературоведения) // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 74-75.
8. **Николаева Н. А., Сафронов В. А.** Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа: межвуз. сб. ст. / Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. А. Хетагурова. Орджоникидзе, 1982. С. 28-62.
9. **О том, как Ёрезмек сражался на небесах с Красным Фуком** // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / ред. А. А. Янгаева. М.: Наука. Восточная литература, 1994. С. 76-78.
10. **Орюзбек** // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / ред. А. А. Янгаева. М.: Наука. Восточная литература, 1994. С. 320-323.
11. **Плотин.** Эннеады // Памятники мировой эстетической мысли: в 5-ти т. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. Т. 1. С. 225-226.
12. **Поспелов Г. Н.** Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. 351 с.
13. **Толгурова А. З., Толгуров Т. З.** Гаппаксальный словарь карачаево-балкарского языка. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2014. 184 с.
14. **Урызбек** // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / ред. А. А. Янгаева. М.: Наука. Восточная литература, 1994. С. 320-323.
15. **Фома Аквинский.** Сумма против язычников: в 2-х кн. / пер. и примеч. Т. Ю. Бородай. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. Кн. II. 584 с.
16. **Энума элиш.** Поэма о сотворении мира // Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии / сост. В. А. Афанасьева. М.: Художественная литература, 1981. С. 32-50.

DATE INDICATIONS OF AN EPICAL TEXT

Bauaev Kazim Kalletovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
kazim_bauaev@mail.ru

The article touches on the problem of the correct chronological identification of the epic legends. The author argues for the absence of adequate scientific-methodological and specific analytical tools to evaluate systemically the time of origin of the epic legends and introduces his own original solution of this problem. The argumentation is based on the quite reliable and convincing analysis of the archetypes of the epic legends of the Karachai-Balkarian version of the all-Caucasian collection of "Nart sagas".

Key words and phrases: phased approach; interpretation; society; literary system; epos; archetype; motive; conflict; imperative; implantation; concept; archaic motive; chronological plot; tradition.

УДК 372.8

Филологические науки

Статья посвящена проблеме восприятия художественного текста современными младшими школьниками. Представлены и проанализированы результаты исследования восприятия художественного текста учащимися 1-5 классов. Выявлены особенности и динамика основных сфер восприятия (эмоции, воображение, осмысление содержания и формы) на начальном этапе литературного образования. Основное внимание автор акцентирует на взаимосвязи разных сфер в процессе восприятия художественного текста учащимися начальной школы.

Ключевые слова и фразы: художественный текст; восприятие художественного текста; современный читатель; сферы восприятия; творческое воображение; литературное развитие школьника; культура чтения.

Белина Елена Владимировна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
raininspain@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
СОВРЕМЕННЫМИ МЛАДШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ[©]**

В русской культуре и образовании художественный текст, его осмысление традиционно занимают важное место, являясь одним из средств, формирующих мировоззрение, способствующих принятию читателем общечеловеческих и национальных ценностей.

Чтение как «труд и творчество» (В. Ф. Асмус) – это активная творческая деятельность: взаимосвязанная работа эмоций, воображения, мышления, памяти – мыслей и чувств человека. Именно она приводит к воссозданию образа, постижению авторской идеи произведения, созданию собственной читательской интерпретации [Цит. по: 1]. Это не только «деятельность, в основе которой лежит распознавание текста», это индивидуальная творческая деятельность, в основе которой всегда диалог с автором, а читатель – это и собеседник, и герой, и критик.

Первым этапом в системе общения читателя с художественным текстом является этап восприятия. Именно на основе восприятия будет строиться путь анализа, следующий шаг ведет читателя к творческой деятельности, этапу интерпретации [5]. Трехэтапный процесс «восприятие – понимание – интерпретация» произведения является основополагающим для становления и развития культуры чтения художественного текста, однако первый шаг к диалогу и пониманию – это восприятие.

В системе литературного развития школьника (методическая школа В. Г. Маранцмана) разработан «инструмент» выявления уровня восприятия – система вопросов на все сферы, позволяющая раскрыть эстетический и духовный потенциал художественного текста [2; 3].

Насколько сегодня современный читатель-школьник, существующий в век компьютерных и информационных технологий, способен и готов к восприятию художественного произведения? В нашей работе мы поставили себе цель – выявить уровень восприятия художественного текста современными младшими школьниками.

Необходимо заметить, что первичное восприятие является своего рода сигналом (индикатором), указывающим вектор дальнейшего развития ученика, средством диагностики его возможностей не только текущего момента, но и перспектив литературного развития школьника, а также результативности организации процесса обучения литературному чтению и литературе в школе.

Учитывая психологические особенности восприятия художественного текста младшими школьниками, несколько вариантов классификаций уровней восприятия (М. Р. Львов, О. И. Никифорова, М. П. Воюшина),